

Н. Васильева

ВЕРА ЗУБАРЕВА

Вторая книга стихов

Вторая книга стихов Веры Зубаревой «Ледяная игла» вышла в издательстве «Эффект публицинг инкорпорейтед». В отличие от первого сборника «Аура», куда вошли стихи, написанные еще до приезда в Америку, эта книга целиком создана в эмиграции.

Современные российский поэты-эмигранты нередко выдвигают на первый план тему оставленного отечества. Другие продолжают писать о том, как все было там, на берегах Невы или Яузы, отгородившись от окружающей реальности неким подобием индивидуального железного занавеса. И лишь немногие стремятся к воплощению и другого духовного опыта, полученного в эмиграции: постижения нового, безгранично раскрывшегося мира во всем многообразии его внешних форм и внутреннего содержания. Более склонны к этому, вероятно, те, кто воспринимает мир прежде всего как мироздание, а свое пребывание в нем ощущает как часть общего бытия, великого замысла Творца, и только потом думает о собственной принадлежности к некоей человеческой общности, будь то нация, народ, государство или родной город. Такому поэту в общем-то все равно, где быть, ибо поэтическое восприятие мира и потребность выразить себя в слове есть суть его природы. Именно к этому типу принадлежит, на мой взгляд, и Вера Зубарева, а ее новая книга стихов — первый шаг в освоении раскрывшегося перед ней мира.

Восприятие мира как мироздания порождает в творчестве Веры Зубаревой темы, связанные с кругом природных явлений, с размышлениями об устройстве Вселенной, происхождении жизни на Земле, единстве индивидуального и общего, вечного и сиюминутного.

Уходит день за облако
навечно,
Каскады туч, вскипают,
тянут свет.
Свет возвращается,
а день отплет.
Первоначальное
противоречье
В моменте сотворенья.
Перегрет

Кусок земли
и ожидает ночи.
«День» происходит от
«деянья». Тьма —
Не ночь, а лишь
рассредоточье
Неры ума.

Органично вписывается в общее бытие и личность, чувствуя себя атомом Вселенной.

Парк заблудился
в осени дремучей.
Молчат аллеи
в заводях листвы.
Как волны, мокро
дыбятся скамейки
Вниз по теченью парка.
А во впадинах
Темнеют перевернутые
кроны.
Их замки разветвляются
к корням,
И винтовые лестницы
дождя
Ведут в лабораторию
растений.
Оттуда — все начала
светотеней

И вольное развитие интриг.
Ты одинок.
Но ты уже не штрих,
А дополненье
к мирозданию парка,
Который часть Шекспира
и Плуларха,
И озарений бытийных твоих.

Несмотря на то что человек живет под солнцем, которое одно на всех, он неизбежно вписан еще и в круг определенной культуры, человеческого общественного устройства, традиций, рукотворной окружающей среды. Особенности эмигрантской жизни в том и состоят, что, помимо небесных светил, все окружающее представляет собой чужую среду обитания, которая со временем может стать, а может и не стать своей. И хотя поэты, близкие Вере Зубаревой по отношению к миру, нигде не чувствуют себя «под небом чужим», процесс вхождения, вживания в инородную культуру неизмеримо сложен и для них. Какие-то существенные черты этого процесса, по моему, нашли свое отражение в стихах сборника «Ледяная игла».

Первый его раздел «В Евро-

пе» составлен из стихов, написанных во время прошлогодней летней поездки в одну из европейских стран. Зубарева ощущает себя там как «в чужом монастыре», куда, не ходят со своим уставом. Это ощущение знакомо каждому, попадающему в иное культурное пространство.

...Здесь родиться можно
просто так,
Фаворитом прошлых
достойный,
Не меняя ни девиз,
ни флаг,
Ни архитектуру в отчем
плане.
Наступает полдень,
как триумф.
Гимн всепобеждающему
кругу —
Бой часов — как тот
фамильный дух,
Что передан по наследству
внуку.
Прикипает солнце к голове,
И без тени чувствуешь
острее,
Каково не состоять
в родстве
Хоть у камня в этой галерее.

Отстраненность взгляда на мир, с которым не состоишь в родстве, заметна и в других разделах книги. Одновременно с тем углубляется самосредоточенность автора, обостряется способность улавливать и фиксировать тончайшие нюансы собственных настроений и состояний. Пример тому — стихотворение «Сон».

Сон — спасительная река.
К ней спускаюсь по вечернему
береженью,
По заботам, принявшим вид
песка.
Что к руслу все режет и режет.
Время порвать все связи,
Иначе никогда не уснуть.
Ускользаю на какой-то фразе.
Знать ни к чему тому, кто
сейчас уплывет,
Как находят дорогу
обратно.
Пробуждение —
всегда кроссворд,
В котором белые пятна.
...Река прибывает,
смыывает зазор
Между моим сознанием
и мною,

И напоследок мелькает,
как вздор,
Безымянный вопрос:
«Кто я?»

По древнему финскому поверью, назвать предмет его настоящим именем значит заколдовать его, получить над ним полную власть. Вера Зубарева ищет эти настоящие имена вещей. Ее стихам присуще исключительное чувство меры, они привлекают гармоничной формы, строгим ритмом, уравновешенностью строк и стоп, тяготеющих к классическим размерам, которые часто укладываются в длинные речевые периоды, переходящие из строки в строку. Это создает впечатление устойчивой, полной достоинства речи.

Помимо лирических стихов, в сборник «Ледяная игла» входит произведение, названное в духе средневековой традиции: «Об ангелах, творениях неукоснительно послушных и укоснительно непослушных, их месте во Вселенной, об их строе и образе мышления, о проблеме их размножения и заселения небес путем создания искусственного ангельского интеллекта из человеческой души, и о человеке: как ему удалось, не отвлекаясь с древа жизни, обрести бессмертие, ибо он был наделен творческими способностями, ТРАКТАТ на соискание магистерской степени в какой-нибудь области, написанный одним скромным учеником, пожелавшим не указывать своего имени».

Стоит ли говорить, что вещь эта насквозь ироничная, с явно выраженным игровым началом? Читать «Трактат» занимательно не только потому, что автор предлагает новую интерпретацию мифа о сотворении человека, но и потому, что демонстрирует свободное, виртуозное владение поэтической техникой, которой подвластно любое содержание.

Идея «Трактата» — в утверждении превосходства человека над ангелом.

Именно творческое начало, по мысли Зубаревой, присущее человеку, определяет его родство с Богом-Творцом, создавшим его, как известно, по своему образу и подобию. Творческие силы в человеке и есть его Божественное начало, та Божественная природа, что ярче всего проявляется в Художнике, ибо Художник не только созерцает мир, но и своей творческой волей создает иной мир, художественный.